

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Прима кордебалета

ного приема в "Дон Кихоте", и только Горский впоследствии вернул Эспадю и его товарищам их природный пол.

Очарование "русских испанок", терпкими флюидами заполнявшее зрительный зал, редко оставалось безответным. Помимо рукоплетский и восторженных криков, оно зажигало страсти и иного рода. У многих танцовщиц, независимо от степени их таланта, быстро появлялись свои поклонники, а то и более "серьезные друзья". Иметь же "подругу из актрис" с ланиных пор было для мужчин из высших слоев общества своего рода необходимым элементом его "джентльменского имиджа". Сотни примеров и десятки легенд, составляющие трагические и комические истории, породили эти отношения. Из-за балерин стреляли друг в друга и стреляли в себя, разорялись и совершали преступления. В другой раз, напротив, все оборачивалось благополучно и кончалось даже брачными узами. Один из виднейших балетоманов А. Гринев, славившийся буйным темпераментом в проявлении своих зрительских симпатий, был женат на Е. Вазем и будучи пламенным почитателем ее дарования, по рассказу Кшесинской, "...увлекал публику своим энтузиазмом и громкими возгласами, когда танцевала его жена: "Браво, Катя!" Справедливости ради надо отметить, что столь же непосредственно Гринев "подбадривал" и других участники спектакля: "Зина, молодец! Нюта, жарь!" — гремел под сводами театра знакомый всем всегдатаям голос.

Однако чаще всего связь между "талантами и поклонниками" ограничивалась традиционной формой: улыбки и воздушные поцелуи, порхающие над оркестром в обоих направлениях, букеты от Эйлерса всевозможных размеров и достоинств: от букетов-монстров до букетов-лилий (иногда цветочный ковер так густо покрывал сцену, что приходилось мести его щеткой). Конфетные наборы фирмы Конради, сережки от Болиных или браслет Фаберже, ужин в шикарном ресторане после премьеры, по случаю которой сочинены чуть ли не эпические поэмы, до небес превозносящие обожаемый предмет, снова цветы, снова подарки... — было от чего закружиться головкам наших балетных прабабушек!

Но и в эту праздничную симфонию временами врываются прозаические ноты. Только что поступившую на Мариинскую сцену юную Ваганову уже успели оштрафовать на 10 рублей за "крайне неприличное поведение" во время спектакля, выражающееся в мимических переговорах и перемигиваниях с кем-то из публики. Для минимального оклада кордебалетной танцовщицы в 600 рублей годовых такое проявление дружеских чувств обошлось недешево.

Чарам неведских сифид покорялись самые высокопоставленные сановники Российской империи. Многие Великие князья находились в интимных отношениях с балетными артистками. Классический пример здесь — Матильда Кшесинская. Любопытно, что дом, приобретенный Кшесинской для встреч с наследником престола, был выстроен сыном Николая I Великим князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой тот был близок. Обзавелась солидным покровителем и Бакеркина. Ее кавалер хотя и не принадлежал к Дому Романовых, но занимал столь высокое положение, что знакомство с ним существовало расширило известность Надежды Алексеевны. Полный генерал, член Государственного Совета, генерал-губернатор Москвы в тревожном 1905 году, П. П. Дурново

(на вкус Кшесинской, "не симпатичный и ужасный циник") был страстным любителем балета. Постоянный обитатель легендарной балетоманской курилки в Мариинском театре, он, будучи послан восстановить спокойствие в древней столице, слезно жаловался Теляковскому на досадные уличные беспорядки, из-за которых лишился приятной возможности ездить в балет и ужинать с балеринами. Под аккомпанемент непрерывных телефонных звонков, сообщавших об убийствах городских и избитиях околоточных, его высокопревосходительство также изложил главе Императорских театров свои соображения по поводу достоинств московских балетных звезд и "...какую бы из виденных им пташек он предпочел бы взять себе на содержание и которую, несмотря на все кажущиеся достоинства, не взял бы". Пальба на улицах все же была бессильна удержать губернатора-балетомана, и на одном из вечеров в Большом театре произошло событие, наделившее гастроллирующую в это время в Москве Бакеркину статусом героини скандальной хроники: после беседы в аванложе со своим благодетелем Надежда Алексеевна прямо оттуда, грациозно перемахнув через барьер, взойшла на сцену, чем среди московской публики произвела фурор. Ее тут же нарекли генерал-губернаторшей!

"Соло" в Большом продемонстрировало далеко не робкий характер Бакеркиной. Так же раскованно вела она себя и на различных благотворительных вечерах, куда ее постоянно приглашали продавать шампанское. "Никого не пропуская мимо своего стола, чтобы не заставить выпить бокал вина, она даже хватала за рукав тех, кто намеревался пройти мимо, и, невзирая на денежное положение своей жертвы, часто отбирала последнее в пользу благотворительной кассы", — писала в мемуарах Кшесинская.

Своеобразие благотворительным спектаклям придавали не только танцовщицы, осваивающие экзотические для себя профессии. Программа вечера, состоявшая чаще всего из небольшого драматического или музыкального произведения и следующего за ним дивертисмента, позволяла полюбоваться как оперным певцом, отплясывающим канкан, так и балетной знаменитостью в водевильной роли. Выступая часто не в своих амплуа, известные актеры умели разыграть представления, наполненные атмосферой легкого, непринужденного веселья (один номер под названием "Как Давыдов и Варламов будут давить клопов" чего стоит!). Спектакли эти, тем не менее, со временем стали вызывать недовольство театрального начальства. Императорские театры не только ничего не имели от этих концертов, но и несли убытки в виде не пришедшего на явку дублера, а то и "внезапно заболевшего" премьера. При проверке оказывалось, что тот и другой за неплохое вознаграждение активно "занимались благотворительностью". В 1903 году дирекция запретила артистам Императорских театров во время сезона принимать участие (без особого разрешения) в частных благотворительных и иных спектаклях и даже отобрала у артистов соответствующую подписку, но... В комендантском доме Петропавловской крепости, среди экспонатов музея истории нашего города, можно увидеть афишу за 1905 год, извещающую об очередном благотворительном вечере, на котором программки будет продавать Бакеркина, цветы — Карсавина, а шампанское на сей раз — Павлова.

С великими балеринами Бакеркина соседствовала и за общим столом в отдельном зале ресторана Кюба — любимом месте встреч петербургского балетного бомонда того времени. Первоначальный владелец здания на Большой Морской, 16, кассир императорских театров Руалде вряд ли предполагал, что стены его собственности увидят весь цвет отечественной хореографии в купе с неутомимой балетоманской гвардией, возглавляемой генералом Безобразовым. Французский ресторан Кюба принадлежал к разряду самых фешенебельных и по известности мог поспорить с театральным залом Кононова, располагавшимся в этом же доме. Оперы, драмы, концерты и лекции долгие годы сопровождался звоном бокалов и клопаньем пробок. Впрочем, вкушению духовной пищи кулинарные пиршества помех не чинили — капитальные перекрытия надежно глушили все "шумовые эффекты" балетоманских застолий, несмотря на явную избрательность организаторов всевозможных ужинов, банкетов и чествований. Примером подобных собраний может послужить большой обед, устроенный у Кюба 20 декабря 1896 года в честь полувекового юбилея приезда в Россию Мариуса Петипа: когда юбиляр появился в зале, его встретил шквал аплодисментов, а оркестр лейб-гвардии Преображенского полка грянул марш. После обеда, отличавшегося обилием речей и тостов, 78-летний виновник торжества лихо сплясал мазурку. Бакеркина, конечно же, была среди приглашенных, вместе с Преображенской, Лениными и др.

Собиравшие балетоманы и у самой Надежды Алексеевны. В своей огромной квартире она устроила салон, где генералы, восседавшие за столом, приводили в смущение юную и робкую Карсавину, где царил дух игривой фамильярности, а старушка-хозяйка дома называла всех гостей "братцами".

В 1907 году Бакеркина вышла на пенсию. За 3 года до этого Петипа сделал в дневнике запись в связи со своими объяснениями с директором: "по поводу приписываемых мне слов, будто я сказал Крупенскому, что хочу прогнать Бакеркину". Хотя Петипа и отрешивается от этих намерений, появление подобного недоразумения, с одной стороны, еще раз подтверждает грустную истину, что, увы, с возрастом краше не становятся и лучше не танцуют, а с другой — свидетельствует о живучести с незапамятных времен сложившейся системы отношений, когда наличие высокопоставленного покровителя делало балерину безопасной для начальства.

В 1910 году Надежда Алексеевна была среди тех, кто провожал Петипа в последний путь. Сама она, прожив после этого почти 30 лет, умерла уже в Ленинграде и была похоронена на Серфимовском кладбище (могила сохранилась). Можно предположить, какие чувства владели бывшей императорской балериной, когда ей случалось пройти мимо Мариинского, ставшего Кировским, подойти по Большой Морской, переименованной в улицу Герцена, к бывшему ресторану Кюба, где когда-то в честь русского балета пили шампанское из тувелек танцовщиц, а теперь расположился Дом Политпросвета Красной Армии. Привычный и родной мир ушел, оставив по себе обрывки воспоминаний, звучащих в душе непрерывным ностальгическим мотивом. Для нас же, представителей других времен, он будет теперь всякий раз оживать, как только наш взгляд упадет на знакомую старую фотографию, ведь жизнь запечатленного на ней человека была и порождением, и составляющей частью этого мира.

Андрей БРЕГВАДЗЕ

Бакеркина
Матильда Алексеевна